

Полуостров, похожий на рыбу, омываемый Тихим океаном и его морями – Охотским и Беринговым, не может существовать без флота. Судьбы г. Петропавловска и Вилючинска, пос. Рыбачьего и многих поселений на Западном и Восточном побережьях Камчатки навсегда связаны с морем, моряками и рыбаками.

1. Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968.

2. Унтербергер П. Ф. Приморская область 1856–1898 гг. : очерк // Записки Императорского Российского географического общества. Т. 8. Вып. 2. СПб., 1900.

Н. А. Троицкая **ИЗ ИСТОРИИ ЧУКОТСКОЙ МИССИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ** **ЦЕРКВИ: ОБЗОР ФОНДОВ РГИА ДВ**

В 2017 г. исполняется 220 лет со дня рождения выдающегося деятеля Русской православной церкви, основателя Православного миссионерского общества Иннокентия (Вениаминова), с именем которого связаны становление церковно-административного управления на дальневосточных территориях и организация активной проповеднической деятельности среди аборигенного населения. Как свидетельствуют библиографические справочники, история изучения миссионерского подвижничества РПЦ на Дальнем Востоке давно и целенаправленно изучается специалистами (1). Однако ставить последнюю точку в теме, конечно же, еще рано, изменяющееся время открывает иные сюжеты, новые источники, заставляет пересмотреть взгляды на известное. Полтора десятилетия назад в обзоре сотрудника РГИА ДВ К. Б. Абрамовой кратко был представлен массив сохранившихся в архиве документов о миссионерской деятельности. Среди прочих был назван ф. 1507 «Сен-Кельский стан Чукотской миссии Якутской епархии», дела которого на тот момент были недоступны исследователям из-за проблем с размещением архива во Владивостоке (2). Сейчас ситуация в корне изменилась, документы размещены, в архиве идет работа по подготовке путеводителя, что дает возможность познакомиться с содержанием фонда более подробно.

Следует сразу же отметить уникальность фонда миссионерского стана в собрании РГИА ДВ. Близок к нему оказался только ф. 1508 «Николаевская миссионерская церковь Эломбальского стана Чукотской миссии Якутской епархии». Оба фонда поступили в ЦГА РСФСР ДВ в 1950 г., в количестве 9 десятков дел, в основной массе хорошо сохранившихся и оформленных. Согласно записям в листах использования, с документами этих фондов знакомились этнограф И. Вдовин, историки Г. Севильгаев, Л. Седельников, И. Витер и др.

В видовом отношении в фондах представлены копии указов из Якутской консистории, приходно-расходные книги, ведомости поступления денег, донесения по сбору пожертвований, разносные книги, переписка и др. Небольшую часть составляют клировые, исповедные росписи (ведомости) и путевые дневники отцов миссионеров.

Особенностью этих фондов является ведомственная принадлежность делопроизводству Якутской епархии. Исторически сложилось, что земли Северо-Востока, населенные чукчами, юкагирами, ламутами, тунгусами и якутами, были в ведении разных епархий. Сначала в Иркутской епархии, образованной в XVIII в. В 1840 г. стараниями Иннокентия (Вениаминова) была создана Камчатская, Курильская и Алеутская епархия, в которой к 1860 г. среди 11 миссий значились Анадырская и Чаунская миссии (3). После выделения в 1870 г. Якутской епархии Чаунская – Чукотская миссия вошла в ее состав (4). Во Владивостокско-Камчатской епархии в 1899 г. оказались чукчи Анадырского и Чукотского уездов.

В 1879 г. в составе Чукотской духовной миссии имелись 3 стана: Сенкельский, Чаунский и Эломбальский. Документы обозреваемых фондов относятся к 1874–1917 гг. Границы станов по документам определить сложно, но это территория тундры и морского побережья Северного Ледовитого океана от Индигирки до рек Большой и Малый Анюй. Естественно, что миссионерская деятельность РПЦ была направлена на кочевое население этих суровых мест. Следует отметить, что для данного обзора интерес представляет не православная проповедь, ее результаты и масштабы, а отражение в документах жизни и деятельности миссионеров, конкретных людей в экстремальных условиях. В нынешние времена катастрофического падения профессионализма и ответственности подвижничество полузабытых священников не может не вызвать уважения. Не лишним будет напомнить, что сохранившиеся документы не на все интересующие вопросы могут дать ответы, тре-

буется комплексное изучение и источников, и литературы. В данном сообщении фрагменты сохранившейся информации только систематизированы, дальнейшая кропотливая работа по выявлению новых фактов и уточнению сведений о миссионерской деятельности, включая именную перечень священнослужителей, только предстоит.

Основную информацию о персональном составе священно- и церковнослужителей миссии содержат **клировые ведомости**, типовой отчетный документ о состоянии православного прихода и причта. В фондах сохранились 5 клировых ведомостей: за 1908, 1911, 1910 гг. – по Сенкельскому стану, за 1912, 1913 гг. – по Эломбальскому стану. Хорошим дополнением к ним являются **исповедные росписи**, по которым, в совокупности с перепиской, можно восстановить факты из биографий миссионеров и преемственность в исполнении миссии. Согласно штатам, утвержденным Синодом, в миссионерском стане (походной церкви) числились один священник и один псаломщик. Причт станов подчинялся настоятелю Чукотской миссии, он же, как правило, являлся благочинным храмов данной территории. В разные годы Чукотской миссией руководили Иоанн Неверов, протоиерей Зиновий Винокуров (1874), протоиерей Петр Суворов (1877–1881), Иоанн Винокуров (1887), иеромонах Виктор (1894–1900), иеромонах Парфений (1902–1906) и др. Центр управления епархией – Якутская консистория – находился от станов на расстоянии примерно 3,5 тыс. верст.

В Эломбальском стане Чукотской миссии служили: в 1874 – начале 1880-х гг. – иеромонах Дионисий (умер в 1883 г.), в 1883–1890-е гг. – Иоанн Винокуров, в 1893 г. – Иван Петелин, в 1901 г. – Михаил Петелин, с 1911 г. – иеромонах Якутского Спасского монастыря Феодосий. В Сенкельском стане: в 1870-е гг. – иеромонах Анатолий, в 1886 г. – иеромонах Виктор, в 1889–1900 гг. – иеромонах Венедикт, иеромонах Алексей, в 1901 г. – иеромонах Парфений, в 1908–1909 гг. – священники Василий Орлов, Леонид Синявин, в 1914 г. – Александр Явловский. Проживали они, естественно, в месте населенном, согласно сохранившимся конвертам с адресами, в Колымске и Нижне-Колымске. Стационарных храмов практически не было, имелась лишь часовня в Сенкельском стане. Эломбальский стан был причислен к Чаунской миссионерской Николаевской церкви, находившейся при устье р. Большой и освященной в 1850 г. В большие праздники священники-миссионеры привлекались к совместным службам в Нижне-Колымской Спасской церкви.

Священнослужители были образованы и подготовлены к миссионерской деятельности. В большинстве своем это были потомки священников, получившие образование в Якутске. К примеру, дьячок Чукотской миссии Иван Винокуров, сын протоиерея Средне-Колымской Спасской церкви Николая Винокурова, обучался в Якутском духовном училище, а затем в семинарии (1864 г.). Сохранившееся свидетельство показывает, что будущих священнослужителей учили богословию, истолкованию Св. Писания, литургике, логике, психологии, физике, словесности, истории, латинскому и якутскому языкам. После окончания семинарии И. Винокуров стал псаломщиком при Чаунской церкви, в 1876 г. был рукоположен в диакона, а через несколько дней – в священника. Служил в Ожогинской Преображенской церкви, затем в Индигирской Зашиверской. В 1886 г. он – Чукотский миссионер, священник Эломбальского Николаевского стана (5).

Священник Сенкельской часовни Василий Николаевич Орлов, сын инородца из Намского улуса, обучался в Якутском миссионерском училище. Начинал службу в 1895 г. псаломщиком при епископе Якутском и Вилуйском Мелетии. В 1907 г. был рукоположен в дьяконы к Градо-Якутской Николаевской церкви. В марте 1908 г. Макарием, епископом Якутским и Вилуйским, рукоположен в иерея к Сенкельскому стану (6).

Другой священник этого же стана – Леонид Григорьев Синявин, сын священника Иркутской епархии, родился 8 апреля 1875 г. Окончил Якутскую духовную семинарию в 1898 г. Был учителем образцовой школы при той же семинарии. С 1899 г. находился на службе в Охотской Преображенской церкви Якутской епархии. Потом был священником в разных районах епархии, в Якутске, в том числе в кафедральном соборе. С 1909 г. Синявин – миссионер Сенкельского миссионерского стана, а в 1913 г. – настоятель Пантелеимоновской церкви Вилуйского выселка прокаженных (7).

Суровый быт миссионера-священнослужителя скрашивала семья. Поразительно, но нередко жены священников отправлялись в миссионерские поездки вместе с мужьями, как, например, супруга И. Винокурова. Были среди них и активные помощницы в деятельности миссии. Жена священника Синявина – Вера Николаевна Поль-Горская – окончила Якутское женское епархиальное училище, получив образование домашней учительницы. В 1899–1900 гг. преподавала в Охотской церковно-приходской школе, затем – в образцовой школе при Якутском женском епархиальном училище (1910 г.).

Огромную роль в жизни миссии играли псаломщики, как правило, вольнонаемные. Если псаломщик отсутствовал, то литургия уже не могла быть проведена. Толковый псаломщик – надежный товарищ в дальней дороге, переводчик-толмач; он нередко брал на себя миссию по обучению детей грамоте. Документы сохранили имена псаломщиков: Григория Попова, Стефана Попова, Иннокентия Винокурова, Парфения Лонгинова, Гурия Слепцова и др. Опытные псаломщики высоко ценились. Так, в 1893 г. И. Винокуров, «способный и благонадежный псаломщик» иеромонаха Венедикта, распоряжением епархиального начальства был оставлен походным псаломщиком в Оймяконе. Венедикту же просто порекомендовали подыскать себе другого (8). В дальнейшем псаломщики сами становились священнослужителями, как, например, Александр Васильев Протопопов, уроженец Якутской епархии, сын пономарской дочери. Образование получил в Среднеколымском народном училище. С 1904 г. служил вольнонаемным псаломщиком в Чаунском стане Чукотской миссии, затем – в Сенкельском стане. В духовное звание был принят в 1910 г.

Существенный элемент функционирования миссии – материальное обеспечение. Согласно сохранившимся сведениям об окладах, миссионерам полагались: жалованье (500 руб., псаломщику – 200 руб.), деньги на разъезды (200 руб.) и на требы (150 руб.) (9). Учитывая суровые северные условия и отсутствие подсобного хозяйства, средств, естественно, не хватало. Однако привыкших к аскетизму священнослужителей этот вопрос в большей степени волновал в связи с невозможностью соблюдать традицию «одаривания» паствы во время религиозно-нравоучительных бесед. За чаем с русским сухарем, леденцом и табаком местные жители с удовольствием слушали миссионера и «были открыты к его слову». Но если пионеры миссионерской деятельности, такие, как Ал. Трифонов, Шкарин, А. Аргентов, П. Суворов, получали на эти цели деньги или продукты, то с течением времени бремя подарков легло на бюджет миссионера. Зачастую не хватало средств на требы, на приобретение нательных крестиков, на заготовку дров.

Не менее важен сложный вопрос о возможности взаимопонимания с иноязычными прихожанами. Миссионеры или должны были сами владеть языком, как например, М. И. Петелин, сравнительно хорошо знавший чукотский и ламутский языки. Или иметь переводчика – «толмача», которого нелегко было найти на выделяемые казной 80 руб. При этом И. Винокуров, оставивший интересные заметки о проблемах миссии, образно заметил, что «миссионер Чукотский должен знать чукотский язык сам, а не бить по воздуху чужим языком» (10).

Основная служба миссионера проходила в дороге. Многоверстные и многомесячные разъезды по «снежной пустыне и безлесной необозримой степи» требовали физической крепости, любая задержка в пути или непогода грозила ночевкой под открытым небом в тундре. Требы в чукотских жилищах («пологах») исполнять было не менее сложно: «ни сидеть, ни лежать нельзя», «требы совершаешь на коленях», «духота и стеснительный воздух». Узнать немудреные, но удивительные истории этих путешествий позволяет еще один интересный источник – **путевой журнал миссионера**. В обозреваемых фондах сохранилось несколько дневников: Дионисия за 1880 г., И. Винокурова за 1883–1884, 1885–1886 гг., иеромонаха Виктора за 1886 г., иеромонаха Венедикта за 1889 г. и М. Петелина за 1901 г. Учитывая кочевой образ жизни паствы, каждая поездка в тундру, чаще всего, была «гонкой преследования», когда в сутки на оленях, лошадях или собаках преодолевались от 30 до 90 верст. «Ехали целый день, чукоч не нашли, ночевали у тунгусов» (11). Не успев отдохнуть от долгого пути, нередко приходилось отправляться в дорогу снова, как, например, И. Винокурову, который «доехал с великими трудами в Великую субботу, утром отслужил утреню с литургией в Святое воскресенье Христово и опять в дорогу». Ему было необходимо встретиться с чукотским эремом Афанасием Амвригургиным в Анюйской крепости, чтобы договориться о своей будущей поездке по р. Большой и Малый Анюй. И. Винокуров на пути встретил возвращающегося из крепости настоятеля миссии, «с которым пил на берегу реки чай под открытым небом и на мягком, как пух, снегу» (12).

Фонды дают представление о существовании вариантов журналов, например, в виде рапорта, не менее насыщенного информацией. Согласно рапорту миссионера М. Петелина, направленному епископу Никанору, он с 5 января по 22 ноября 1904 г. проделал более 2 тыс верст из Нижнеколымска по восточной тундре до р. Чаун. Жил около месяца на р. Орре, где было 5 чукотских стойбищ, промышлявших рыбу. На чукотской байдаре переплыл на остров Оёк, по которому прошел пешком по всем 15 чукотским стойбищам, из которых 2 семьи обратил в православие. Эпидемий и смертности у них миссионер не выявил, но при этом отметил процесс обнищания. М. Петелин пишет, что благодаря эпизоотиям и волкам «о громадных, бесчисленных стадах оленей уже не слышно», чукчи становятся «безоланными». В борьбе за выживание все они кочуют к морю и устьям рек, где

можно промышлять рыбу и зверя. При этом миссионер подметил быструю сообразительность чукчей, их способность воспринимать «приемы рыболовства» (13).

Еще одна интересная тема – социальное служение миссионеров православной церкви. Исповедные книги, как и путевые журналы, содержат статистические данные о пастве: количественный и половозрастной состав, регулярность исполнения треб и др. Есть примеры «новаторства»: сводная исповедная книга на 1905–1910 гг., заведенная М. Петелиным, давала возможность проводить учет без ежегодного повторения персональных сведений пасомых. Итоговые цифры, содержащиеся в книгах, конечно же, невелики. В 1905 г. в Эломбальском стане числилось 619 чел. православных чукчей и 137 ламутов (14). В 1913 г. в исповедной росписи иеромонаха Феодосия их значится немногим больше: чукчей – 634 чел., ламутов – 157 (15). Счет новообращенных во время длительных миссионерских поездок идет на единицы, в лучшем случае – на десятки, но не эти цифры являются показателем успешности миссии. Священник – это связующее звено между властью и народом, это проводник культурных начал, это врачеватель душ и тела, это чиновник-статистик. На наш взгляд, непреходящую ценность имеют персональная информация о главах и составе семей, зафиксированные имена и прозвища, возраст. Ясно, что точность такой информации не очень велика. Слово, записанное на слух, искажается минимум дважды, что проявляется даже в документированных названиях станов, не говоря уже о собственных именах. И. Винокуров писал, что в исповедных росписях бывает сложно найти конкретного чукчу, т. к. они меняют свои имена «по обстоятельствам жизни». Даже эрема трудно было бы отыскать, если бы не личное с ним знакомство: «до 1876 г. он именовался Аллегеургиным, затем Ральтыургиным, а ныне Амвраргургиным». Не случайно запоминанию паствой своих христианских имен миссионеры уделяли особое внимание. Не ясны критерии определения возраста, вероятнее всего, это делалось по внешнему виду. В результате по росписи одного священника среди чукчей имела масса долгожителей, в возрасте 80–90 лет, а у другого – и 70-летние редко встречаются.

Особое место в деятельности миссии занимало распространение знаний. Обучение детей грамоте и подготовка будущих пастырей – одна из ведущих тем в беседах с местным населением. Она находила отклик в зажиточных семьях, способных предоставить детям такую возможность. Однако кочевой образ жизни и родительские чувства порождали нежелание отпускать детей в стан. В журнале иеромонаха Венедикта (1889 г.) описывается посещение «полога» православного чукотского старшины, где имела медная икона и зажженная свеча перед ней. Старшина попросил иеромонаха обучать грамоте его детей, двух мальчиков и девочку, при условии, что псаломщик С. Попов останется для этой миссии в данной семье (16). Иеромонах, со своей стороны, отговаривал псаломщика от такого шага, разумно пугая неудобствами кочевой и суровой жизни в тундре.

Священники уделяли много времени обучению русскому языку, заставляя «произносить молитвы русским тактом с голоса за мной», повторять христианские имена, тексты молитв и пересказывать библейские сюжеты. Того, кто делал это лучше других, награждали сахарным леденцом. В 1874 г. епископ Якутский и Вилюйский Дионисий (Хитров) прислал в миссию иллюстрированные книги Священной истории, подаренные Советом Православного миссионерского общества. В сопроводительном письме он предложил методику работы с ними: «Попробуйте научите по картинкам двух-трех мальчиков рассказу из священной истории, и дайте им в дом, чтобы они пересказали слышанное от вас при указании на картинки своим домашним» (17). Епископ пообещал не скупиться на приобретение новых книг, если метод обучения даст хорошие результаты. Вообще, епархия довольно внимательно относилась к запросам паствы и в своих решениях учитывала ее интересы. Так, в 1900 г. двум родам юкагиров из Сен-Кельского стана было разрешено приходить на исповедь в Нижне-Колымскую церковь, чтобы исправлять требы там, где им удобнее (18).

Знакомство с документами фонда позволяет выявить и некоторые редкие документы, к примеру, характеризующие библиотечный фонд Чукотской миссии в Нижне-Колымске на 1910 г. (19); информирующие о созыве Колымского благочиннического съезда в г. Средне-Колымске в 1918 г. (20); содержащие автографы одного из первых чукотских миссионеров Петра Суворова, в 1881 г. ставшего настоятелем Чукотской миссии (21); канонизированного РПЦ Святителя Мелетия (Якимова), епископа Рязанского (22); текст присяги на подданство на чукотском языке (23) и др. Хочется верить, что эти ценные документы, хранящиеся в РГИА ДВ, заинтересуют вдумчивых и терпеливых исследователей. Знакомство с ними невольно рождает мысль о необходимости иного подхода к оценке прошлого, когда важны не масштаб и статистическая результативность миссии, а та сторона деятельности миссионеров, которая помогла разноязыким народам осознать себя частью Российского государства.

1. Сердюк М. Б. История религии на Дальнем Востоке в исследованиях и библиографии. Владивосток, 2006. С. 138–144.
2. Абрамова К. Б. Краткий обзор документов по истории миссионерской деятельности Русской православной церкви среди малых народов Дальнего Востока России в сер. XIX – нач. XX вв. // Межконфессиональные отношения на Дальнем Востоке России на рубеже тысячелетий. Владивосток, 2002. С. 145.
3. Биографический словарь миссионеров Русской православной церкви. / сост. свящ. С. Широков. М., 2004. С. 32.
4. Якутия. Хроника. Факты. События. Якутск, 2012. С. 151.
5. РГИА ДВ. Ф. 1508. Оп. 1. Д. 20. Л. 4.
6. Там же. Ф. 1507. Оп. 1. Д. 42. Л. 4об.
7. Там же. Д. 49. Л. 1–4.
8. Там же. Д. 12. Л. 4–4об.
9. Там же. Д. 28. Л. 1.
10. Там же. Ф. 1508. Оп. 1. Д. 20. Л. 19.
11. Там же. Ф. 1507. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.
12. Там же. Ф. 1508. Оп. 1. Д. 5. Л. 16.
13. Там же. Д. 26. Л. 8–8об., 17.
14. Там же. Д. 22.
15. Там же. Д. 39. Л. 26.
16. Там же. Ф. 1507. Оп. 1. Д. 6. Л. 4об.
17. Там же. Ф. 1508. Оп. 1. Д. 1. Л. 25–25об.
18. Там же. Ф. 1507. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
19. Там же. Д. 35.
20. Там же. Д. 53. Л. 29.
21. Там же. Ф. 1508. Оп. 1. Д. 6. Л. 9
22. Там же. Ф. 1507. Оп. 1. Д. 14. Л. 10.
23. Там же. Ф. 1508. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

Дж. М. Тронсон
ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ ПОРТ 1855 г.
(перевод с английского Л. А. Абрамян)

Так сложилось, что в этом году мне попала в руки книга Дж. М. Тронсона «Рассказ о плавании в Японию, Камчатку, Сибирь, Тартарию и различные части побережья Китая на борту «Барракуды», с картами и зарисовками» (1) в электронном виде.

Сразу сделаю оговорку – в интернете есть несколько переведенных абзацев из этой книги, именно той части, где говорится о Камчатке, но те переводы, которые встречались мне, выполнены как будто машинным переводчиком, и не вся информация передана достоверно.

«Барракуда» – пароход британского флота, с 1854 по 1876 гг. находился в плавании по морям Тихого, Индийского и Атлантического океанов в составе эскадры адмирала сэра Дж. Стирлинга. (Дж. Стирлинг, будучи в Японии, заключил первое соглашение между Англией и Японией – Договор о дружбе от 14 октября 1854 г.).

«Китайская эскадра», под командованием сэра Дж. Стирлинга в составе флагманского корабля «Винчестер» (55 пушек), паровой шхуны «Энкаунтер» (14 пушек), парохода «Стикс» (6 пушек) и парохода «Барракуда» (6 пушек) в 1854–1855 гг. безрезультативно обследовала побережье Дальнего Востока России в поисках русского флота под командованием Путятина.

Джеймс Стирлинг выделил из состава своей эскадры два парохода, «Барракуда» и «Энкаунтер», с приказом присоединиться у Камчатки к эскадре контр-адмирала Генри Уильяма Брюса, командующего Тихоокеанской эскадрой. Утром 31 мая адмирал Брюс торжественно вошел в Авачинскую губу и приблизился к Петропавловской гавани. К удивлению нападавших, они увидели пустой город. Как Брюс писал Адмиралтейству: «я нашел место полностью эвакуированным: ни кораблей, ни оружия, ни людей, только пустые амбразуры и брошенные здания».

В эту статью включен только тот материал, который так или иначе касается Петропавловского порта, и как эскадрилья плыла к нему.